

А ЭТОТ ВЫПАЛ ИЗ ГНЕЗДА...

Владимир Клавихо-Телепнев в молодости совершал кучу ошибок и ему страшно нравились модели

Текст: Марина Кулеба

» Почти целое десятилетие в хит-параде известных российских фотографов ничего не меняется. Влад Локтев, Владимир Фридкис, Михаил Королев, Валерий Плотников и пионер фотографии отечественного «глянца» Владимир Клавихо. Хотя коллеги как бы и не считают его стопроцентным фотографом. Тем паче, Клавихо ушел из мира «глянца», так и оставшись при этом дорогим фотографом.

>> Владимир, когда и почему вы стали не просто Клавихо, а Клавихо-Телепнев?

— Мой отец — колумбийцем, а по колумбийским и испанским законам дается две фамилии: первая — от отца, вторая — от матери. Мой отец — Клавихо-Парадо, мама — Телепнева. Соответственно я Клавихо-Телепнев.

>> Скажите, это правда, что за границей рынок настолько устоявшийся, что оплата работы фотографа там намного ниже, чем у нас?

— Все очень просто. Например, существует справочник — такая толстая книжечка, где перечислены все рекламные фотографии Америки с указанием специализации: кто-то снимает только натюрморты, кто-то — собак. При том, что все все умеет, ценнее, когда человек вертится в какой-то своей специализации. А у нас как было 5 фотографов, так 5 и осталось... Я все ждал-ждал, когда мне молодые на пятки будут наступать, а потом выскочил из этого рекламно-журнального бизнеса, оглянулся — ничего не происходит. Внимательно слежу за журналами, которые моя жена покупает, — Vogue, Elle, Vavaa — никаких особо интересных съемок нет. Думаю, проблемы молодых связаны с их завышенными амбициями. Почему, спрашивают они, вот этой пятерке платят столько, а нам нет?

>> Это правда, что вы первые три года работали бесплатно?

— Да, пока Влад Локтев мне не сказал: «Ты уже можешь брать деньги за свою работу». Амбиции очень мешают, особенно в Москве, где если чуть-чуть какой-то успех или какая-то востребованность, у людей просто начинает срываться крышу. Я до сих пор как подарок судьбы воспринимаю какие-то предложения по работе. Ну, например, поработать две-три минуты с гостями Московского кинофестиваля. Это было интересно, как какой-то эксперимент: могу ли я входить в контакт очень быстро? Получится или нет сделать картинку, как будто они пришли ко мне в студию и мы проработали целый день? Или съемки детей — это не репортаж и не реклама, а что-то совсем другое. В принципе, я советую молодым фотографам иметь какую-то гибкость. Погасить амбиции и работать репортерами, чтобы научиться быстро соображать и вообще — ценить жизнь. Знаете, после работы в горячих точках начинаешь снимать моду по-другому. Потому что цветочки — это цветочки, а кровь — это кровь.

>> И тем не менее большинству вы известны именно как «глянцевый» фотограф.

— Я знаю. Шлейф эдакого салонного фотографа тянулся за мной еще долго. Даже на выставках слышал краем уха: «Ну, это же Клавихо — модный рекламный фотограф, нечего там смотреть». Подразумевается, что журнальная фотография не может вывести на искусство.

>> Но ведь это действительно так!

— Ну, как правило, да... То ли «замыливается» глаз, то ли в искусстве нельзя так: вот сегодня я буду заниматься искусством, а завтра поработаю для денег. Практически все мои коллеги говорят: «Володя, ты молодец, занимаешься творчеством. Мы тоже с завтрашнего дня начнем». Так нельзя. Этим надо заниматься все время или уже не сделаешь никогда. В журналах, в рекламных агентствах художники работают по законам бизнеса, а не творчества. А нужно идти наперекор. Кстати, многие со мной не общаются из-за этого.

>> Не общаются или не сотрудничают?

— Не сотрудничают. При всем ко мне уважении использовать меня не хотят. Я их понимаю. Существуют разные направления в журналах, разная стилистика — ну вы же знаете! Они все время так тщательно за этим следят. Поэтому, если я выпадаю из этого все время, значит, не подхожу. И это правильно. Если бы у нас было больше фотографов и они были бы достаточно профессиональны, то можно было бы все время чередовать различные стили. А пока у нас искусство журнальной и рекламной фотографии очень молодое, и там еще мало людей.

>> Вы — пионер журнальной фотографии, фотографии для глянца. Интересно было начинать?

— Очень. Ведь никто не знал, как надо делать. Сейчас все ясно: редактор, фоторедактор придумывают, что нужно снять, ищут место, стилиста. Потом приглашается фотограф, который их идею воплощает — как оператор в кино. Соответственно, авторство непонятно кому принадлежит. А когда я начинал, фотографам давали волю и они приносили в редакции вещи, которые сами придумали и сделали. Сейчас эта дверка захлопнулась и этого практически никому не позволяют. Но я и не работаю сейчас в журналах.

>> Но признайтесь, это же была такая золотая жила!

— Отчасти да. Но если ты хочешь заниматься тем, что тебе нравится... Я художник по образованию, но понимаю, что молодому человеку, который занимается художественной фотографией, очень сложно продвигаться. Ну где, скажите, можно опубликовать черно-белые фотографии? В двух-трех специфических изданиях. Значит, надо начинать с другого конца — с журнала мод. Правда, они очень затягивают и выскочить оттуда очень сложно. Уже дети, семья. Тем не менее однажды я сказал: «Знаешь, жена, мы, наверное, в ближайшее время не сможем много зарабатывать». И она меня поддержала, спасибо ей за это.

>> Ваша жена работает или она домохозяйка?

— Совсем недавно она уволилась из журнала, в котором проработала много лет.

>> Как вы отреагировали на безработную в семье?

— Был страшно рад, потому что мне надоело это ее «хобби». С другой стороны, мне ее очень жалко — там был очень хороший коллектив, я

всех их очень любит. Мы же познакомились с Наташей благодаря этому журналу. Меня пригласили запечатлеть на пленку путешествие редакции. Сначала в Саратове, потом в Израиль, Египет... Замечательные были времена! И буквально во второй поездке в Наташе сделал предложение. От меня такого никто не ожидал, потому что я — фотограф моды. Это значит модели, которые каждый день... Вся редакция еще долго высывала меня «на ковер» и спрашивала: «Ты серьезно или так?»

>> Действительно, а как же модели, которые каждый день?

— Это определенный тип женщин, который я очень хорошо изучил, модели наши российские... Они считают, что их красота — уникальный дар Божий, и кроме этого, их больше никто и ничто не интересует. Этот культ собственной внешности мешает им видеть других людей вообще. Самое ценное для меня — это человеческая дружба и искренность. И потому, когда все эти качества я вдруг нашел в одном человеке, в Наташе, мне это так понравилось...

Хотя, конечно, в молодости я совершал кучу всяких ошибок и мне страшно нравились модели. И жизнь, казалось, должна быть такая яркая, бурная, со страстями. Но существовать так практически невозможно, к тому же жизнь не такая длинная. Надо сконцентрироваться на чем-то. Работа, семья, самые близкие друзья. Мне все-таки уже 42.

>> Вернемся к вашему решению распрощаться с «главцем». А дальше что было?

— Я попробовал делать то, что делаю сейчас, и спустя какое-то время меня стали «выдергивать» разные зарубежные галереи, предлагая вы-

ставки. В Нью-Йорке я сразу попал на очень хорошую выставку с такими «монстрами» живописи, как Кабаков, Наташа Нестерова, потом была хорошая критика в газете «Нью-Йорк таймс», и после этого как бы пошло. В Париже мне предложили сделать персональную выставку в одной галерее, а когда все продалось, заключили со мной контракт на целый год.

>> Как вам живется в роли классика? Вас же объявляли классиком фотографии, и не раз!

— Это все чепуха. Кто-то объявил один раз, а потом повторяют.

>> Но все-таки?

— Развитие возможно только тогда, когда ты очень хорошо помнишь то, что происходило до тебя и подхватываешь те вещи, которые возникали в головах у разных людей. В 20-х годах, которые мне ближе, или в 60-х годах, или в XIX веке. В России же шикарная история искусств и литературы. Если каждый раз начинать отчерчивать линию и говорить, что все начинается с меня, то, наверное, это будет недолгое искусство. Я родился в «Доме художника», на Верхней Масловке. Вместе со старинками-художниками ходил рисовать натуру. Там нельзя было не знать своего деда или прадеда, которые занимались этим же. Так что историю искусства я изучил буквально на своей шкуре. Может быть, из-за этого меня воспринимают как классического фотографа? В Париже меня все время представляют как русского классика, на что я говорю, что это у меня такой вот подход классический...

>> Это из скромности, чтобы не зазнаваться?

— Не зазнаваться... Надеюсь, мне посчастливилось попасть в число художников, способных себя адекватно оценивать. Думать о себе как о классике — это крах. Я провожу съемку и выбираю один кадр, а мои студенты или фотографы-любители приходят ко мне и выкладывают целую кучу отснятого за день материала. Это

просто неправильная самооценка. Оценивать себя надо жестко, понимая, что чепуха — это слабые вещи — это слабые вещи, и ничего их вообще показывать. Чем строже ты к себе, тем ты профессиональнее — подкачки других можно просто не услышать, а себя ты услышишь всегда.

>> Финансовый вопрос. Вы дорогой фотограф?

— Мой папа очень не любит эту тему. «Ты все время журналистам про цены рассказываешь», — говорит он мне, — за этим налогом должна следить».

>> Хорошо. Легко ли говорить о деньгах с заказчиками?

— Мне всегда это не очень легко делать. Но, с другой стороны, есть некий закон. Из чего складываются определенные критерии оценки человека? Из легенды его имени, его профессионализма, истории работы, темы, которую ты продаешь. АURA, которая складывается из всего этого, имеет определенную стоимость. У нас раньше как все измерялось? Сколько стоит во Франции съемка модели? Ну, тогда мы будем брать половину. Брали половину, но делали все равно хуже. Но если ты можешь делать то, чего не может делать никто, цены называешь ты. У меня все это произошло как-то само собой. На свои деньги я выпустил маленькую книжечку — так, для себя. И совершенно не рассчитывая на то, что ее будут покупать, поставил на ней довольно большую цену. И она вдруг стала продаваться с бешеной скоростью. Потом я взял и приписал к работам 0 — вместо 100 долларов они стали стоить 1000. И когда людей это совершенно не оста-

новило, я подумал: наверное, они столько и стоят. Потом я вывез их за границу и понял, что это нормальные цены. Цены не ставят — они выстраиваются.

>> Вы будете дальше повышать стоимость ваших работ?

— Сейчас это абсолютно не главное для меня. Дело в том, что как только появляется возможность где-то заработать, появляются определенные люди: галеристы, дилеры, промоутеры. Они понимают, что благодаря такому-то человеку они могут заработать какие-то деньги. Они выстраивают некую ценовую политику и пиар, если он нужен. Настя Воложкова, например. Ее команда раскручивает ее имя, придумывает некие легенды, странные истории и т. д., и это правильно и профессионально. А у художников этого не было никогда. В живых художников, как правило, в России никто никогда денег не вкладывал. Можно было купить Айвазовского и потом продать этого Айвазовского по той же цене или больше. В основном этим занимаются антикварные люди.

>> А если не брать художников в пример?

— Первые, я считаю, удачные попытки — эстрада. Допустим, «Фабрика звезд» — типичный пример, когда можно взять команду профессионалов и несколько молодых людей с не бог весть какими способностями. И вот они расходятся по всей стране со своими собственными дисками, концертами и зарабатывают деньги для тех, кто в них вложил. В искусстве это бывает крайне редко. Я думаю, мне более или менее фортуна улыбается именно потому, что я, выйдя из «глинда», был уже готовым самораскрученным продуктом. Пиар-команды у меня нет. Вот, кстати, когда я перестал работать с журналами, они объявили мне бойкот и перестали писать про Клавихо. Раз промолчали, два промолчали, а потом про всех фотографов уже рассказали и — ну давайте включим его все-таки опять. Вот так и получается: если бы фотографов было много, то про меня, наверное, давно уже все забыли бы. А так как «узок круг этих революционеров...» Кроме того, если мой очередной проект будет интересен, то о нем все равно будут говорить в журналах. Потому что в журналах, в принципе, не о чем писать. Хотя я мог бы существовать и без этого.

>> И не обидно даже?

— Один раз мне давали какую-то премию, которая включала в себя денежное вознаграждение, и я услышал такую фразу: «Клавихо не надо давать деньги, зачем? Он и так состоятельный человек!» И денег мне не дали, хотя тогда я, как говорится, лишними средствами не располагал. Ну и что? Я вспоминаю, как в детстве моя преподавательница музыки все время говорила: «Володя, ты должен так играть, чтобы не было ощущения, что тебе тяжело. Играй, как будто вообще это случайность — то, что ты здесь сидишь». Я это запомнил и считаю, что все надо делать легко, ненапряжно и ни в коем случае никогда не жаловаться. Русские очень любят жаловаться. Первое, что они любят, — это спрашивать гонорары, а второе — открыть душу и жаловаться на жизнь, объясняя, почему у них не получилось то, что не получилось.

>> Вы такой фотограф-философ...

— Думаю, это потому, что меня долго фотографии не воспринимали как своего. Они говорили: «Ты, Володя, художник, который стал снимать, случайный человек, не наш». В общем, я не спорил. Главное, что я понял: для того чтобы делать какие-то не глупые, не сиюминутные вещи, нужна какая-то праздность, когда можно посидеть на скамеечке, подумать о чем-то, встретиться с приятелем и не спеша выслушать все от начала до конца, что он тебе скажет. Должен быть другой ритм. Ритм, когда я работал в журналах, осо-

бенно репортером, был страшным. Я все время бежал и ничего не успевал. Ритм в искусстве не может быть привязан к этой журнально-рекламной жизни и тем более к жизни бизнеса.

>> Это дорогое удовольствие...

— Это не удовольствие. Это должно быть так. Был такой мультфильм про паровозик из Ромашково, который движется, движется и кричит: «Мы должны остановиться и посмотреть на закат солнца! Обязательно, а то пропустим!» Это правда. Какие-то вещи действительно можно пропустить, не почувствовать. Ведь мы уже достаточно плохо чувствуем чужую боль. Нужно пытаться, несмотря на обязательную сегодня суету, остановиться. Сделать такой шаг и осмотреться вокруг. Этот мир очень красивый и достоин того, чтобы вы остановились перед ним в восхищении. ☺

